

Виктор Кувалдин. Вступление. *Теперь мы знаем, какого уровня сложности задачу задала Горбачеву мировая и отечественная история.*

Юбилей Михаила Сергеевича Горбачева пришелся на исключительно драматическое для человечества время. Сразу несколько кризисов соединились, каждый из них поразил одну из основных несущих опор современного мира.

Первый - кризис глобальной власти коллективного Запада во главе с Соединенными Штатами Америки. США по сей день остаются самым мощным игроком на международной сцене, его гегемония ослабла, из абсолютной она превратилась в относительную.

Второй - кризис неолиберальной модели, которая вышла на первый план еще в начале 80-х годов. Я никогда не был ни ее сторонником, ни поклонником, тем не менее, считаю, что она немало дала миру. Дала очень высокие, рекордные по мировым стандартам темпы экономического роста (примерно, 4 процента). Благодаря этому сотни миллионов людей вышли из бедности. Большая группа слаборазвитых стран стали среднеразвитыми. И Тем не менее неолиберальная модель все более обнаруживает свои ограничения и теневые стороны.

Третий – кризис культуры, кризис цивилизации, кризис доминирующего, основанного на европейских истоках культурно-цивилизационного комплекса, на котором были выстроены модели глобального мира в XIX веке и на рубеже XX - XXI. И это, одновременно, стало кризисом гегемонии белой расы.

В своем сочетании перечисленные кризисы создали взрывную смесь, и пока мы не находим выхода из этой ситуации. Есть ощущение, что впереди нам предстоит достаточно напряженное и опасное десятилетие. В поисках путей выхода мы мысленно обращаемся к опыту преодоления предыдущего, не менее серьезно общемирового кризиса первой половины 80-х годов прошлого века, который можно условно обозначить как второе издание

холодной войны. И среди масштабных, достойных политических деятелей того времени Михаил Сергеевич Горбачев занимает, конечно, особое место.

Хотел бы предложить проделать небольшой мысленный эксперимент. Давайте вернемся в 1985-й год, - но с тем знанием, которое у нас есть сегодня.. Потому что, конечно, сейчас мы знаем о том времени очень многое. У нас есть возможность оценить многие вещи более трезво и адекватно, чем мы оценивали их тогда. Но, когда начинал Горбачев, он он не обладал этим нашим сегодняшним знанием. Когда он пришел к власти, вторая супердержава мира – Советский Союз – была далеко не в лучшей форме. Выразительным образом того стала так называемая пятилетка похорон, внутри которой меньше, чем за два с половиной года, страна похоронила трех своих одряхлевших руководителей.

В то же время очень важно подчеркнуть, что тогда, в середине 80-х , это еще не был ни экономический, ни политический, ни социальный кризис. Было, скорее, ощущение исторического тупика - того, что мы двинулись не в том направлении и зашли по нему достаточно далеко. Лучше всего, по-видимому, это выразил сам Михаил Сергеевич в той своей ныне знаменитой фразе, сказанной в ночь перед тем днем, когда он был избран Генеральным секретарем, руководителем Советского Союза. Гуляя по дорожкам своей дачи с Раисой Максимовной, он сказал: «Так дальше жить нельзя!»

Надо сказать, что парадоксальным образом ситуацию осложняло то, что у части элиты было такое же ощущение. Но оно не было господствующим ощущением в обществе в целом, поскольку этому не предшествовало никакой национальной катастрофы. Это не было подобно периоду после поражения в Крымской войне (1853—1856 годы), которая расчищала дорогу великим реформам Александра II. Это не было поражением в Русско-японской войне (1904-1905), которая дала толчок появлению в России первых форм представительной демократии в лице Думы.

Да, в 80ые годы шла холодная война. Она была в разгаре, даже парадоксально на подъеме. Через несколько лет Горбачев ее закончит почетной ничьей.

Ну, хорошо, так жить нельзя, а как можно, что надо делать?! Повторяю, что еще в марте 85-го года Горбачев, конечно, не знает и не может знать, что речь идет не больше и не меньше, как о завершении великого социалистического эксперимента XX века, о демонтаже мировой системы государственного социализма.

А если бы он знал, то на что он мог тогда опереться? Ведь в тупик мы заходили долго, старательно, и обратная дорога уже стерлась в нашей коллективной памяти. И ничего толкового не могла ему предложить интеллектуальная элита страны. Поскольку под наркотическим воздействием марксистско-ленинской теории и бдительным оком тайной полиции советские интеллектуалы даже сами себе не задавали подобных вопросов. Их задавали в русском зарубежье. Но связи между русским зарубежьем и советским социумом тогда, практически, не было.

Теперь мы знаем, какого уровня сложности задачу задала Горбачеву мировая и отечественная история. А какие инструменты она дала ему в руку? Первый и главный – это, конечно, власть генсека. Она была велика, но не всемогуща. Горбачев не Александр II, то есть абсолютный монарх, и он не Сталин. Значит, ему нужны верные соратники. И здесь первыми можно назвать две фигуры. Это Александр Яковлев и Эдуард Шеварднадзе. Но можно ли на них положиться? Готовы ли они идти до конца? Знаю, что произошло и в годы перестройки, и после нее. Просто сейчас поставлю знак вопроса.

Оглядываясь назад, Горбачев вслед за пастернаковским Гамлетом мог повторить: «Я один, все тонет в фарисействе. Жизнь прожить – не поле перейти». Есть здесь и до поры до времени скрытая проблема, которая обнажится в самые драматические моменты перестройки. Это органическое неприятие Горбачевым насилия. Причем неприятие даже законного,

абсолютно легитимного насилия, без которого не может обойтись ни одно государство, особенно на крутых переломах своей истории. А применительно к Советскому Союзу эта проблема имеет еще один, очень значимый аспект.

Исторически российское государство формировалось таким образом, что в него - порой добровольно, а порой и не очень добровольно - входили территории с проживающими на них народами. В советское время при активном содействии центральной власти, на базе этих территорий сформировались протогосударства.

Я не считаю, что СССР был империей. Скорее, мы его можем охарактеризовать как многонациональное государство с тоталитарно-авторитарной системой правления, с цементированной неограниченной властью Коммунистической партии. Оно производило впечатление монолита, но в критические моменты становилось довольно хрупким, уязвимым образованием.

Если в партийном ареопаге Политбюро ЦК КПСС реформатор Горбачев в сущности постоянно был в меньшинстве, то, может быть, он мог бы опереться на поддержку элитарных слоев, ключевых сегментов советской номенклатуры? - Только до поры до времени. Потому что смена форм жизни была столь радикальной, что многие представители советской номенклатуры оказались за бортом и переходили в оппозицию.

Остается последняя инстанция – общество. И здесь мы тоже находим серьезный диссонанс между лидерами и массой в такой сложной и чувствительной области, как политическая культура. Наш крупный авторитет в этой сфере знания академик Юрий Пивоваров основным истоком нашей политической культуры считает наследие Золотой Орды. Разумеется, оно далеко от европейской политической традиции. Ну, а в дальнейшем золотоордынский базис закреплялся в самодержавном абсолютизме и всевластии партийного аппарата. Так что демократический стиль Горбачева

часто воспринимался и истолковывался его адресатами как проявление слабости.

Надо добавить к этому многочисленные завалы, созданные холодной войной, казалось бы, наглухо блокировавшие любое продвижение вперед...

Все это делало горбачевскую миссию невозможной. Но несмотря на труднейшие обстоятельства и огромные препятствия, Горбачев открыл для нашей страны и для мира дорогу в будущее. То, что мы заблудились на этом пути, не его вина. Он сделал невозможное - возможным.